

Для японцев он стал японцем. Апостольский путь святителя Николая (Касаткина)

Автор:

Наталия Скоробогатько

Для японцев он стал японцем. Апостольский путь святителя Николая (Касаткина)

Наталия Владимировна Скоробогатько

В книге Наталии Скоробогатько «Для японцев он стал японцем: Апостольский путь святителя Николая (Касаткина)» представлено житие святого равноапостольного Николая Японского. Издание содержит фотографии угодника Божия, тропарь и кондак ему. «Не было человека в Японии, после императора, который пользовался бы в стране такую известностью. В столице Японии не нужно было спрашивать, где Русская Православная Миссия, довольно было сказать одно слово „Николай“, и буквально каждый рикша сразу знал, куда нужно было доставить гостя Миссии. И православный храм назывался „Николай“, и место Миссии также „Николай“, даже само Православие называлось именем „Николай“».

Наталя Скоробогатько

Для японцев он стал японцем. Апостольский путь святителя Николая (Касаткина)

© Скоробогатько Н., 2016

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2016

* * *

Для Иудеев я был как Иудеи, чтобы приобрести Иудеев... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.

1 Кор. 9, 20, 22

Все, что есть в Японской Церкви доброго, до последнего христианина в храмах, до последнего кирпича в постройках, до последней буквы в переводах богослужебных книг, есть дело христиански-просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала, воли почившего святителя, сделавших его избранным сосудом благодати Христовой.

Митрополит Сергей (Тихомиров)

Архиепископ НИКОЛАЙ (Касаткин)

Иван Касаткин становится иеромонахом Николаем

Едва ли кто из нас тогда подумал, что этот студент составит себе историческое имя и что известность его пронесется из края в край по всему православному миру, что он там – на Дальнем Востоке – заблестит яркой звездой и явится буквально светом во откровение языков...

Епископ Анастасий (Опоцкий), бывший однокурсник святителя Николая

Книга, прочитанная в юности, иногда может определить всю нашу жизнь. Так было и с Иваном Касаткиным. В студенческие годы Иван прочитал «Записки»[1 - См.: Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у Японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: В 3 ч. СПб., 1816.] путешественника-мореплавателя Василия Головнина, описывающие приключения, бывшие с ним в Японии: как он, захваченный японцами, был у них в плену, сбежал и жил в японской рыбацкой семье, как потом с трудом вернулся на родину. Эта случайно попавшая в руки Ивана книга, где подробно описывались особенности далекой неведомой страны, заронила в душу юноши интерес к Японии и даже желание

проповедовать тамошним язычникам учение Христа.

При этом Иван припомнил, как еще в Смоленской семинарии, внимая рассказам учителя И.Ф. Соловьёва об однокурснике его, иеромонахе Исаии, работающем теперь в Китайской миссии, он тогда еще страсть как захотел тоже отправиться в Китай проповедовать слово Божие. Похоже, проповедь язычникам уже с ранних лет была настоящим призванием Ивана Касаткина, только после прочтения «Записок» Головнина интерес его сместился с Китая на Японию.

Вот почему, когда в Петербургскую духовную академию, где учился Иван, поступил запрос из Японии с просьбой прислать настоятеля для церкви русского консульства, он почти сразу изъявил желание ехать. Сам Господь, решил он, призывает его отправиться туда на проповедь. И тут же определил, что в таком случае он станет монахом. «Что-нибудь одно, – рассудил он, – либо Миссия, либо семья».

Позднее святитель признавался, что на его решение принять монашество тоже повлияла книга – только что вышедший тогда роман И.А. Гончарова «Обломов». «Мы все, русские, весьма склонны к этой обломовщине, – заключил он для себя, закрывая книгу, – и в обычной жизни из нее как будто уж и не выберешься – так она и насядет на тебя... Нужно выбирать что-то одно: или исполнение идеала высоты, вообще всего, что для меня представляется высоким, и в таком случае – порвать всякие связи с обычной сутолокою и бессодержательностью семейной и хозяйственной жизни, или, напротив, – идти обычной колею семейной жизни, и тогда, конечно, придется позабыть всякие идеалы».

Решено, – сказал он себе, – следует избрать именно это – миссионерское служение, заключающее в себе «высокие идеалы», а также монашество, помогающее эти идеалы воплотить. Так рассуждая, определил он программу всей своей будущей жизни, хотя прежде никогда не помышлял о монашестве. Более того, он всегда был человеком веселым, компанейским и, что называется, «заводилой» – ну какой, казалось бы, из него монах?

Желающих ехать в Японию оказалось человек десять-двенадцать. Но лишь один Касаткин решил принять при этом монашество, и это определило исход дела – выбор пал на него. Одобрив данную кандидатуру, Ивана постригли в монашество с именем Николай. Затем он был рукоположен в иеродиакона и следом – в иеромонаха.

«А в каком государстве находится Япония?»

...В географии и статистике мест с оседлым населением земного шара почти только один пробел и остается – Япония. Странная, занимательная пока своей неизвестностью земля.

И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»

О том, сколь далекой, неведомой страной была в ту пору Япония, можно судить по эпизоду, рассказанному земляком святителя, протоиереем Петром Синявским.

Когда отец Петр явился в местный почтамт с письмом, адресованным в Японию, то привел почтмейстера в большое затруднение. После долгого раздумья тот спросил:

– А в каком это государстве будет Япония?

– Япония и есть государство, наш сосед на Дальнем Востоке.

– Нет, я не знаю такого государства и принять Вашего письма не могу.

Тогда отец Петр попросил своего товарища, учителя географии, удостоверить почтмейстера в том, что Япония действительно существует. Однако почтмейстер долго не хотел верить и учителю. Он сдался наконец и принял злополучное письмо только после того, как учитель географии показал Японию на карте мира и даже чуть ли не целую лекцию прочел ему об этом таинственном государстве. Да, для жителей Российской империи, даже тех, кто слышал о существовании Японии, она была чем-то почти сказочным, неким неведомым «тридевятым царством, тридесатым государством».

Родное гнездо

В июле 1860 года двадцатитрехлетний иеромонах Николай покинул Петербург и отправился в путь. По дороге он заехал в родное село проститься с родными. Как знать, сколь долго он не увидит их вновь да и вообще увидит ли когда-нибудь снова?

Родное село его Егорье-на-Берёзе, или просто Берёза[2 - Село Егорье-на-Берёзе (другие названия – Берёза, Берёзский погост), расположенное на реке Берёзе, входило в состав Бельского (а не Вельского и не Вольского, как иногда пишут) уезда. От уездного городка Белый оно отстоит примерно на расстоянии 50 км. Ныне входит в состав Тверской области.], было расположено «в самой глуши Бельского уезда Смоленской губернии, вдали от всех железных дорог», как однажды аттестовал это место К.П. Победоносцев. Здесь, в богатой лесами российской глубинке, 1/13 августа 1836 года в семье диакона Димитрия Касаткина и жены его Ксении родился будущий святитель, названный в крещении Иоанном. Дети Касаткиных рано лишились матери – Ване было пять лет, Васятке – полтора года, Ольге – восемь, когда мать их скончалась. Конечно, всем пришлось нелегко – и отцу с тремя малыми детьми, и детям, рано познавшим неизбывный озноб сиротства, нужду и тяготы деревенского труда.

Проучившись год-другой в церковноприходской школе, Ванюшка Касаткин поступает в духовное училище уездного города Белого, что в пятидесяти верстах от Берёзы. Парнишка оказался весьма смышленным и в учении прилежным, потому и закончил училище в числе лучших учеников. Потом пришлось отправиться на учебу еще дальше, теперь уже за сто пятьдесят верст от дома, – в Смоленск, в духовную семинарию[3 - Семинарию Иван Касаткин тоже закончил в числе первых учеников, а потому и был направлен на казенный счет учиться дальше, в Духовную академию Санкт-Петербурга.]. Домой на летние вакации и обратно Ване по бедности приходилось добираться пешком, торопко шагая по разбитой дороге от деревеньки к деревеньке: сначала до Белого, ну а там уж до Берёзы – считай – рукой подать!

Он любил свое маленькое – всего пять дворов – сельцо с храмом на холме, с быстрой речкой внизу, с шумными пестрыми ярмарками на зимнего и летнего Егория да на Вознесение, местный престол. Рядом, у Вознесенской церкви, находилось родовое имение ее ктиторов Скрыдловых. С детьми морского офицера Илариона Скрыдлова – Леонтом и Николаем – подросший Ваня водил приятельство, когда все они собирались в родном селе на летние вакации...

Теперь, несколькими днями раньше, после долгого перерыва, Касаткин увиделся с братьями Скрыдловыми в столице: и Леонт, и шестнадцатилетний Николай, будущий адмирал, только что поступивший в Петербурге в Морской кадетский корпус, присутствовали на его иерейской хиротонии.

...Брата Василия Иван, впрочем, нет, теперь уже иеромонах Николай, в Берёзе не застал: тот после окончания Смоленской семинарии женился, был рукоположен в иерея и остался служить в Смоленске. Дома с отцом и сестрой иеромонах Николай провел всего три дня – надо было спешить дальше. При прощании отец, прослезившись, благословил сына в дальнюю дорогу Смоленской иконой Божией Матери, Одигитрией-Путеводительницей, которую тот свято хранил потом всю жизнь.

Промыслительная встреча

Далее путь молодого иеромонаха лежал через всю бескрайнюю Сибирь на воистину дальний Дальний Восток. Путешествие оказалось долгим и утомительным. Стелившейся перед путником дороге, казалось, никогда не будет конца. Шутка ли – десять тысяч верст преодолеть, большую часть из которых – на лошадях по тряским ухабам сибирских дорог. А он спешил – надо было успеть попасть в Японию до закрытия навигации.

Дорогой молодой миссионер предавался мечтам о неведомой стране с поэтичным названием «Страна восходящего солнца». Она представлялась ему невестой, поджидавшей его с букетом в руках. Воображение рисовало Николаю стекающихся отовсюду слушателей, будущих последователей слова Божия. И ему не терпелось достичь поскорее берегов этой загадочной заморской страны. Каким же молодым и романтичным был он тогда!

После Иркутска пришлось далее спускаться по Амуру до впадения реки в океан. На последний корабль, уходивший в японский портовый город Хакодате, где располагалось российское консульство, он все-таки опоздал. Ему не оставалось ничего другого, как зазимовать в Николаевске, молодом портовом городке на Амуре. Сюда после долгого изнурительного пути он прибыл сильно исхудавшим и полубольным.

Здесь, в Николаевске-на-Амуре, Просмыслом Божиим состоялась его знаменательная встреча с известным миссионером – апостолом русской Америки архиепископом Иннокентием (Вениаминовым)[4 - Святитель Иннокентий (Вениаминов; 1797–1879) – выдающийся церковный деятель, митрополит Московский и Коломенский, просветитель народов Сибири и Америки. Владыка всегда поддерживал своего младшего собрата, особенно когда возглавил Московскую кафедру и Миссионерское общество. Ныне оба святителя-миссионера одинаково прославлены нашей Церковью как равноапостольные.]. Святитель Иннокентий принял молодого иеромонаха с отеческой любовью и помог ему устроиться на квартиру в дом флотского штабс-капитана Осипа Макарова, где подрастал будущий знаменитый адмирал Степан Осипович Макаров (1848–1904). Пройдут годы и их, начальника Русской миссии в Японии и прославленного адмирала, будет связывать теплая дружба и общее дело на ниве Божией.

По любезному приглашению владыки Иннокентия молодой иеромонах приходил к нему воскресными вечерами, и тот, выставив на стол целый арсенал монашеского угощения: чернослив, изюм, миндаль и прочее, – за вечерним чаем щедро делился с ним своим богатейшим миссионерским опытом. Владыке Иннокентию, просветившему светом Евангелия народы Восточной Сибири и Русской Америки, написавшему «Наставление священнику-миссионеру», было чем поделиться с миссионером-новобранцем. В «Наставлении...», написанном еще в 1841 году, владыка словно обращался специально к отцу Николаю: «Оставить родину и идти в места отдаленные, дикие, лишенные многих удобств жизни, для того чтобы обращать на путь истины людей, еще блуждающих во мраке неведения и просвещать светом Евангелия еще не видевших сего спасительного света, – есть дело поистине святое, равноапостольное. Блажен, кого изберет Господь и поставит на это служение!».

Беседы святителя Иннокентия стали для иеромонаха Николая настоящей миссионерской школой. За ту памятную зиму, проведенную вместе в глухом заснеженном Николаевске, многоопытный миссионер преподавал Николаю множество ценных советов и наставлений. На всю жизнь будущий святитель сохранил в памяти эти беседы-уроки мудрого архипастыря.

Перед расставанием, критически осмотрев скромную рясу отца Николая, заботливый владыка купил отрез черного бархата и ловко скроил ему новую, – чтоб не стыдно было в ней предстать перед японцами. Ведь известно: «по одежке встречают...». При прощании владыка возложил на своего подопечного

наперсный бронзовый крест, полученный за участие в Крымской кампании, и благословил на предстоящие труды.

Духовная дружба и переписка между великими подвижниками-миссионерами сохранялась потом до конца жизни святителя Иннокентия.

Спящая «невеста»

Какая бы, кажется, могла быть надежда на торговлю, на введение христианства, на просвещение, когда так глухо заперто здание и ключ потерян?

И.А. Гончаров. «Фрегат “Паллада”»

Лишь спустя год после начала путешествия прибыл наконец иеромонах Николай в Японию, в порт Хакодате, что расположен на ближайшем к дальневосточным границам России острове Хоккайдо, где и предстояло ему начать свое служение. Хакодате оказался небольшим провинциальным городком, скорее напоминавшим большую деревню, с населением около шести тысяч человек. Основные городские постройки тянулись вдоль гористого берега бухты, располагаясь на трех террасах.

Русская колония консульства состояла всего человек из пятнадцати. Консульство размещалось на горе, в живописном районе кипарисовой рощи. Ко времени прибытия отца Николая оно имело уже вполне обжитой вид. За три года, прошедшие с момента появления здесь русских, на территории было возведено двухэтажное здание консульства, больница, церковь, несколько жилых построек. На момент появления в Хакодате иеромонаха Николая консульский дом и русская церковь оказались лучшими зданиями в городе.

В Японии все романтические мечты молодого иеромонаха о миссионерских подвигах разбились о суровую действительность.

«Какое же было мое разочарование, – вспоминал он позже, – когда я по прибытии в Японию встретил совершенно противоположное тому, о чем мечтал! Приехал, смотрю, – моя невеста спит самым прозаическим образом и даже и не

думает обо мне».

Да, Япония его совсем не ждала. Проповедь христианства была здесь запрещена законом и каралась смертной казнью. Страна, веками пребывавшая в самоизоляции от всего мира и варившаяся в собственном соку, только лишь несколько лет назад была открыта для иностранцев, которых японцы привыкли считать врагами. Они откровенно натравливали на чужеземцев собак, а мальчишки безнаказанно забрасывали их камнями.

«Японцы смотрели на иностранцев как на зверей, а на христиан – как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи», – вспоминал потом святитель. Действительно, не забыли еще в этой стране древнего установления: «Если бы в Японию явился Сам христианский Бог, то и Ему – голову долой!».

Справедливости ради надо признать, что в таком положении дел были виноваты прежде всего сами «христиане». Дело в том, что когда-то, еще в XVI веке, в Японию вместе с миссионерами-иезуитами хлынули колонизаторы и торговцы, что привело к работорговле и прямому вмешательству европейцев в политику страны. Вот тогда-то японское правительство и издало декрет об изгнании иностранцев и запрете христианства. И вот теперь Япония только-только опасливо приоткрывала дверь, обращенную к Западу, не ожидая, впрочем, от него ничего хорошего.

Понятно поэтому, что в такой ситуации мечту проповедовать среди местного населения отцу Николаю пришлось на время оставить и ограничиться обязанностями приходского священника, окормляя лишь консульских служащих да моряков с российских кораблей, время от времени заходивших в незамерзающий порт Хакодате.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См.: Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у Японцев в 1811, 1812 и 1813 годах: В 3 ч. СПб., 1816.

2

Село Егорье-на-Берёзе (другие названия – Берёза, Берёзский погост), расположенное на реке Берёзе, входило в состав Бельского (а не Вельского и не Вольского, как иногда пишут) уезда. От уездного городка Белый оно отстоит примерно на расстоянии 50 км. Ныне входит в состав Тверской области.

3

Семинарию Иван Касаткин тоже закончил в числе первых учеников, а потому и был направлен на казенный счет учиться дальше, в Духовную академию Санкт-Петербурга.

4

Святитель Иннокентий (Вениаминов; 1797–1879) – выдающийся церковный деятель, митрополит Московский и Коломенский, просветитель народов Сибири и Америки. Владыка всегда поддерживал своего младшего собрата, особенно когда возглавил Московскую кафедру и Миссионерское общество. Ныне оба святителя-миссионера одинаково прославлены нашей Церковью как

равноапостольные.

Купить: https://tellnovel.com/skorobogat-ko_nataliya/dlya-yaponcev-on-stal-yaponcem-apostol-skiy-put-svyatitelya-nikolaya-kasatkina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)